

103

571

ВАЛААМСКІЙ

МОНАСТЫРЬ.

1847

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1847.

2007081082

2007081082

03

671

ВАЛААМСКІЙ

МОНАСТЫРЬ.

1847

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАНЦА.

1847.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 29 мая 1847 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

Ценсоръ И. Ивановскій.

ВАЛААМСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Великолѣпная буря на Ладожскомъ Озерѣ, когда при ясномъ небѣ, при сіяніи солнца, порывистый вѣтеръ передвигаетъ влажные холмы по поверхности глубокаго, широкаго озера. Эта необъятная поверхность вся усеяна холмами лазуреваго цвѣта съ бѣлосиѣжными, серебристыми гребнями. Смятенное бурною озеро кажется какъ-бы одушевленнымъ.

При такой бурѣ въ 1846 году, въ первыхъ числахъ сентября, ѣхалъ я изъ Коневскаго Монастыря въ Валаамскій на пароходѣ, посещающій пмл острова, на которомъ стоитъ этотъ послѣдній монастырь *. Вѣтеръ былъ очень свѣжій; быстро неслись подъ небомъ бѣлыя облака отдѣльными группами, какъ стада птицъ, совершающихъ свое переселеніе осенью и весною. Величественная буря на открытомъ озерѣ, но и у береговъ она имѣетъ свою красу. Тамъ свирѣпыя волны — въ вѣчномъ спорѣ съ вѣтрами, гнѣваются, грозно бесѣдуютъ между собою; а здѣсь онѣ — въ ярости на землю, съ замысломъ дерзновеннымъ. Смотрите, какъ волна *лѣзетъ* на берегъ, говорилъ сопровождавшій меня коневскій старецъ. Точно, волна «лѣзетъ» на берегъ. Это — прямое выраженіе ея дѣйствія. Она лѣзетъ она съ упорствомъ не только на берегъ отлогій: на огромную скалу гранитную, стоящую отвѣсно надъ бездною и отъ начала временъ міра смотрящую спо-

* Пароходъ этотъ именуется «Валаамъ». Съ открытія судоходства на Ладожскомъ Озерѣ до осенняго бурнаго времени, пароходъ дважды въ недѣлю ходитъ въ Валаамскій Монастырь, отправляясь каждый разъ изъ Шлессельбурга.

койно на свирѣпыя буря какъ на дѣтскія игры. На сажени, на двѣ сажени, подымается волна по скалѣ, и въ изнеможеніи упадаетъ къ сея подножію въ мелкихъ брызгахъ, какъ разбитый хрусталь; потомъ снова начинаетъ свою постоянно упорную, постоянно безуспѣшную попытку.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я видѣлъ бурю на Ладожскомъ Озерѣ при пасмурной погодѣ. Тогда картина теряетъ много живописности. Воды окрашены сѣрымъ цвѣтомъ; пѣна не серебряна; мутна и желтовата; мгла суживаетъ рамы зрѣлища; нѣтъ ни того движенія, ни того разнообразія, словомъ, нѣтъ той жизни. Нужны лучи солнца для окончательности этой серьезной, полной вдохновенія картины. И самое солнце какъ прекрасно, когда глядитъ съ чистаго, недосягаемаго неба на бурю земную!

Островъ Валаамъ — безспорно, живописнѣйшее мѣсто старой Финляндіи. Онъ находится на сѣверной оконечности Ладожскаго Озера *. Подъѣзжаете къ нему, васъ встрѣчаетъ совершенно новая природа, которой не случалось видѣть путешествовавшему лишь по Россіи: природа дикая, угрюмая, привлекающая взоры самою дикостью своею, изъ которой проглядываютъ вдохновенныя, строгія красоты. Вы видите отвѣсныя, высокія, изгнія скалы, гордо выходящія изъ бездны: онѣ стоятъ, какъ исполицы, на передовой стражѣ. Вы видите крутизны, покрытыя лѣсомъ, дружелюбно склоняющіяся къ озеру. Тутъ какой-нибудь пустычникъ выходитъ съ водошомъ въ рукѣ, почерпнуть воды и, поставивъ на землю водошъ, заглядывается на обширное озеро, прислушивается къ говору волвъ, питаетъ душу духовнымъ созерцаемъ. Вы видите огражденные отвсюду гранитными, самородными стѣнами заливы, въ которыхъ спокойно дремлютъ чистыя, какъ зеркало, воды, въ то время какъ въ озерѣ бушуетъ страшная буря; здѣсь спрятались галіоты, отъ крушенія, или сейма ждетъ въ затишьи попутнаго вѣтру; а хозяинъ судна уже съ равнодушнымъ любопытствомъ смотритъ на яростныя, ревущія волпы озера, недавно хотѣвшія разрушить его судно, въ которое онъ вложилъ все достояніе, всю судьбу свою и своего семейства.

* Островъ Валаамъ отъ ближайшаго берега въ двадцати пяти верстахъ, отъ финляндскаго города Сердоболя въ сорока, отъ Коневскаго Монастыря въ осьмидесяти; въ окружности имѣетъ около тридцати верстъ; принадлежитъ по гражданскому распредѣленію къ Выборгской губерніи Бельскаго Княжества Финляндскаго, а по духовному состоитъ подъ вѣдѣніемъ санктпетербургскаго митрополита.

Вы плывете по излучистымъ проливамъ, гдѣ часто двѣ противоположныя скалы сходятся такъ близко, что оставляютъ лишь тѣсный проходъ для одного галіота. Вы опускаете лотъ, измѣряете глубину въ этой узницѣ; глубина тутъ—многія сажени. Вы входите съ сѣверной стороны въ губу, далеко вдавшуюся во внутренность острова; плывете по этой губѣ: съ правой стороны—дремучій лѣсъ на каменистыхъ, громадныхъ уступахъ, выходящихъ отвѣсно и лавѣсно изъ темныхъ водъ. Этотъ лѣсъ и эти камни отражаются густою тѣнью въ водахъ губы, отъ чего тутъ воды особенно мрачны и ландшафтъ принимаетъ самый грозный видъ. Губа постепенно расширяется и наконецъ образуетъ овалъ значительнаго размѣру. Вы отторгаете взоръ отъ этой картины необыкновенной, паводящей на душу невольный ужасъ, но ужасъ пріятный, съ которымъ не хочется разстаться; обращаетесь къ противоположной сторонѣ: передъ вами—обширный монастырь на высокой, длинной, гранитной скалѣ, какъ легкое бремя на плечахъ гиганта. Скала прежде покрывалась бѣловатымъ мхомъ. Монахи счистили мохъ; теперь гранитъ свободенъ отъ сѣдинъ, вслѣвшихъ на смугломъ челѣ его; онъ величественъ и грозенъ въ ювой наготѣ своей. Изъ трещинъ скалы выросли липы, клены, вязы; по скалѣ вьется площадь, а подлѣ скалой разведенъ фруктовый садъ, надъ которымъ колеблются и шумятъ зеленеющія вершины деревь, какъ-бы готовыхъ выринуться на садъ, по удерживаемыхъ далеко ушедшими въ скалу корнями. Разпелъная, великолѣпная картина! Какъ пріятно видѣть семеніе человѣка, его руку, клочокъ земли, политый его потомъ, украшенный его трудами, среди огромныхъ массъ дикой, могучей природы! Пристаете къ гавани, выходите на берегъ: по крутому скату горы устроена гранитная лѣстница; по ней подымайтесь къ монастырю, стоящему на вершинѣ горы, на обширной площади. На эту площадь съ южной стороны ведетъ крутая отлогость; къ западу, къ губѣ, площадь обрѣзывается отвѣсною скалою.

Планъ монастырскихъ зданій состоитъ изъ двухъ четвероугольниковъ, изъ которыхъ одинъ помѣщенъ въ другомъ. Поднявшись по гранитной лѣстницѣ, на площадь, вы идете по аллеѣ къ Святымъ Воротамъ, находящимся въ наружномъ четвероугольничкѣ; противъ этихъ воротъ—другія, во внутреннемъ четвероугольничкѣ. Входите въ нихъ: передъ вами на правой сторонѣ соборная церковь Преображенія Господня въ верхнемъ этажѣ, въ нижнемъ—валаамскихъ Чудотворцевъ Сергія и Германа, гдѣ и мощи ихъ почиваютъ подлѣ снудомъ. Соборъ соединяется посредствомъ га-

лерек съ теплою церковію Успенія Божіей Матери; въ галерей помѣщается ризница. На другой оконечности, составляющей собою юго-восточный уголъ — церковь Святителя Николая. На лѣвой сторонѣ, противоположной той линіи, на которой стоятъ храмы—келліи настоятеля и нѣкоторыя братскія. Противъ васъ—братская трапеза и кухня, а въ той линіи, въ которой ворота и гдѣ, предполагаю, вы стоите — келліи чередныхъ іеромонаховъ. Надъ Святыми Воротами паружнаго четверугольника, — церковь Петра и Павла. Въ линіи этой, съ лѣвой стороны — гостиница; съ правой — келлія духовника и обширная рухольня монастыря. Въ противоположной линіи — больница монастыря съ значительнымъ числомъ келлій, въ которыхъ помѣщаются всѣ престарѣлые и увѣчные. При больницѣ—церкви, въ верхнемъ этажѣ, Пресвятыя Троицы, въ нижнемъ, Живоноснаго Источника. Въ линіи, обращенной къ губѣ, съ одной стороны — продолженіе гостиницы; съ другой — канцелярія монастыря. Въ восточной линіи, съ одной стороны — продолженіе рухольни, съ другой — монастырская библіотека, сравнительно съ прочими монастырями богатая, имѣющая довольно рукописей, почти исключительно состоящихъ изъ твореній Святыхъ Отцовъ, писавшихъ о монашеской жизни. Для исторіи Валаамскаго Монастыря не найдете въ этой библіотекѣ обильныхъ матеріаловъ. Она собрана въ концѣ прошедшаго и началѣ нынѣшняго столѣтій; древнія рукописи уничтожены, какъ и все древнее въ Валаамскомъ Монастырѣ, пожарами и Шведами. Нѣтъ зданія на всемъ островѣ, ни даже часовни, которымъ бы исполнилось хоть сто лѣтъ.

По основаніе и существованіе монастыря валаамскаго съ достоверностью относится къ глубокой русской древности: къ такому заключенію приводятъ нѣкоторые факты историческіе. Преподобный Авраамій, основатель и архимандритъ Ростовскаго Богоявленскаго Монастыря, пришелъ еще язычникомъ въ Валаамскую Обитель въ 960 году послѣ Рождества Христова, тамъ крещенъ и постриженъ въ монашество *. Въ Сочійской Лѣтописи сказано: «Лѣта 6671 (1163 послѣ Рождества Христова) обрѣтены были мощи и перенесены Преподобныхъ отецъ нашихъ, Сергія и Германа валаамскихъ **». Другой лѣтописецъ упоминаетъ, что въ 1192 году игуменъ Мартирій построилъ каменную церковь на

* Рукописное житіе Святаго Авраамія Ростовскаго и «Словарь Россійскихъ Святыхъ».

** Словарь Россійскихъ Святыхъ.

Валаамскомъ Островѣ *. Мѣстное преданіе, подкрѣпляемое этимп, и подобными имъ, скудными, до насъ дошедшими свѣдѣніями, признаетъ Преподобныхъ Сергія и Германа греческими иноками, современниками Равноапостольной Великой Княгини Ольги. Если принять въ соображеніе ту рѣшимость, съ какою древніе иноки стремились къ глубочайшему уединенію, то удобство, которое Валаамскій Островъ доставляетъ нынѣ, тѣмъ болѣе доставлялъ тогда, для такого уединенія, надо согласиться, что переселеніе сюда греческихъ иноковъ не заключаетъ въ себѣ ничего страннаго и несбыточнаго. Во всѣ историческіе просвѣты, въ которые отъ времени до времени проявляется существованіе Валаамскаго Монастыря, видно, что иноки его проводили жизнь самую строгую, что тамъ были и общежитіе и отшельники, и всѣмъ завѣдывалъ игуменъ. Здѣсь въ четырнадцатомъ вѣкѣ жилъ нѣсколько времени Преподобный Арсеній Коневскій, совершившій дальнее странствованіе на святую Афонскую Гору и положившій начало монастырю Коневскому. Сюда во второй половинѣ пятнадцатаго столѣтія вступилъ юношею Преподобный Александръ Свирскій: онъ занимался первоначально трудами въ общежитіи, потомъ безмолвствовалъ на Святомъ Островѣ, въ тѣсной пещерѣ, природной, или изсѣченной въ каменной скалѣ. Святой Островъ — каменистая гора, поднимающаяся изъ озера, окаймляющаяся къ сѣверу высокимъ утесомъ и принадлежащая къ группѣ малыхъ острововъ, которыми въ разныхъ мѣстахъ обставленъ главный островъ, какъ планета своими спутниками. Въ первой половинѣ пятнадцатаго столѣтія проходилъ здѣсь иноческіе подвиги Преподобный Савватій Соловецкій, перешедшій впоследствии для глубокаго уединенія на Бѣлое Море, на дальній сѣверъ, въ пустыни Соловецкаго Острова, дотолѣ необитаемыхъ. Онъ искалъ тамъ того же, и съ такимъ же мужественнымъ самоотверженіемъ, чего искали Греки Сергій и Германъ на Валаамскомъ Островѣ, находя свой Аонпъ и свой Олимпъ слишкомъ многолюдными, хотя это многолюдство и составляли лишь иночествующихъ **.

* Рукопись бібліотеки Валаамскаго Монастыря. Можеть-быть архивы Финляндіи доставятъ со временемъ свѣдѣнія болѣе опредѣлительныя и подробныя для исторіи Валаама, нежели какіе доставляютъ источники, нынѣ нѣвѣстные.

** Пребываніе на Валаамѣ Преподобныхъ Арсенія, Савватія и Александра — достоверные факты, сохраненные въ ихъ жизнеописаніяхъ. Въ жизнеописаніи Преподобнаго Свирскаго, написанномъ ученикомъ его, Іларіономъ,

Не разъ Валаамскій Монастырь претерпѣвалъ нашествія отъ Шведовъ; не разъ инокъ его падалъ подъ остриемъ меча, и землю, орошенную потомъ молитвеннымъ, орошали еще и кровію мученическою; не разъ пылали святые храмы и хижины ипотескія, зажженные рукою врага или неосторожности. Но мѣстность Валаамскаго Монастыря, его многообразныя удобства для всѣхъ родовъ ипотеской жизни, скоро возобновляли въ немъ черворизное пародопаселеніе. Валаамъ назначенъ, освященъ въ мѣсто богослуженія, какъ-бы самую природою. Преданіе древнее, по, кажется, имѣющее основаніе, говоритъ, что въ то отдаленное время, какъ страна эта была во тмѣ идолослуженія, здѣсь совершалось поклоненіе кумирамъ *. Когда взглянешь на эти темныя, глубокія воды, на эти темныя, глухіе лѣса, на эти гордыя, могучія скалы, на всю эту величественную картину, безпрестанно измѣняющуюся и безпрестанно живописную; когда прочитаешь въ ней глубокое поэтическое вдохновеніе, сравнишь съ мѣстностью Валаама мѣстность окружающей его Финляндіи, то скажешь: «Да, здѣсь долженъ былъ жестокосердый и воинственный Скандинавъ измѣнить свои бравныя, суровыя думы и ощущенія на благоговѣніе; здѣсь должна была душа его наполняться всѣмъ тѣмъ, что возноситъ душу человѣческую къ высшимъ ощущеніямъ, доставляемымъ религіею. То же преданіе приводитъ сюда Святаго Апостола Андрея, пришедшаго, по сказанію Нестора, изъ Кіева въ Новгородъ и путями морскими возвратившагося въ южную Европу, гдѣ въ Ахайи ожидалъ его вѣнецъ мученическій. Оно говоритъ, что Апостолъ по рѣкѣ Волхову достигъ Ладожскаго Озера и черезъ озеро достигъ Валаама, обратилъ въ христіанство жрецовъ, обитавшихъ на немъ и основалъ Церковь Христіанскую. Это преданіе называетъ Сергія спутникомъ Апостола и, по отшествіи его, наставникомъ этихъ странъ въ христіанствѣ.

Что мудреннаго? «Во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ», свидѣтельствуетъ Писаніе о путешествіяхъ Апостоловъ **. Ихъ труды принадлежали не какому-нибудь одному народу, а всему человѣчеству; заботливое вниманіе ихъ, любовь ихъ сердца, привлекались не образованностью, не гражда-

сказано съ достаточною подробностію и великою похвалою о подвижничествѣ валаамскихъ иноковъ.

* Смотри Рукопись бібліотеки Валаамскаго Монастыря, ссылающуюся на древнюю рукопись, именуемую «Оповідь».

** Псаломъ 18, 5.

скимъ устройствомъ п сплюю, — привлекались бѣдствіемъ падшаго челоуѣка, — былъ ли опъ «Скпоъ или Варваръ, Іудей или Элливъ» *. Почему же не прійти Святому Апостолу Андрею къ праотцамъ нашимъ, Славянамъ, в сосѣдамъ Славявъ, Скандинавамъ? Почему не посѣтитъ ему мѣсто, освященное для богослуженія народнаго п тамъ не насадить богопознанія п богослуженія истинныхъ? Почему не допустить мысли, что самъ Богъ внушилъ Апостолу это высокое, святое намѣреніе п далъ силу къ исполненію его? Дикость, малозвѣстность страны, — дальность, трудность путешествія, — не могутъ быть достаточною, даже сколько-нибудь сильною, причиною, чтобы отвергнуть это преданіе. Немного позже времяъ апостольскіхъ, ходили путями этими цѣлыя вошества: почему же не пройти ими Апостолу, водимому десницею Божіею и ревностію апостольскою?

По вотъ уже преданіе не темное, не сомнительное, а вѣрное, чисто-историческое. Монашеская жизнь на Валаамѣ п восточное исповѣданіе Вѣры Христіанской въ странѣ этой процвѣтали гораздо равѣ п сильнѣе нежели сколько могли бы заключить путешественникъ при поверхностномъ посѣщеніи края, при кратковременномъ взглядѣ на него. Надо посмотреть по-пристальнѣе, надо пожертвовать довольно времени, прислушаться внимательно къ разсказамъ п валаамскихъ иноковъ п прибрежныхъ жителей, п изъ нихъ извлечь свѣдѣніе, достойное быть внесеннымъ въ скрижали исторіи, достойное вниманія современной образованности п памяти образованнаго потомства. Столько укрепила иноческая жизнь на Валаамскомъ Островѣ, что перекинула побѣги свои черезъ озеро на противоположный берегъ, на которомъ стоитъ теперь Сердоболь. На томъ берегу было двѣнадцать скитовъ, основанныхъ валаамскими иноками, входившихся подъ управленіемъ п духовнымъ руководствомъ игумена валаамскаго. Жители береговъ исповѣдывали православную восточную вѣру, замечтовавъ познаніе ея изъ монастыря валаамскаго; по берегу до самаго Кекегольма стояли храмы православные. Корелы этого берега Ладожскаго Озера были православны, какъ православны теперь Корелы противоположнаго берега, жители Олонецкой губерніи. У тѣхъ п другихъ одинъ языкъ, съ самымъ малымъ измѣненіемъ, не препятствующимъ понимать другъ друга, бесѣдовать другъ съ другомъ; была у нихъ п одна вѣра. Но пришло злополучное время, п Фиппы склонилась къ ученію Лютера.

Кромѣ устныхъ преданій, единогласно свидѣтельствующихъ объ этомъ фактѣ, есть еще ему живое свидѣтельство. Это — цѣлыя селенія Финляндцевъ, — тысячи Финляндцевъ, исповѣдующихъ понынѣ православную вѣру. Для нихъ богослуженіе отправляется на славянскомъ языкѣ, по нашимъ церковнымъ книгамъ, нашими священниками, которые произносятъ только поученіе народу на его финскомъ языкѣ.

Надѣюсь, что это свѣдѣніе будетъ пріятно многимъ; потому что едва-ли многіе знаютъ, что въ пѣдрахъ Финляндіи еще живо православіе. Оно не вновь посаженное, живетъ тамъ изстари, остатокъ общей древней религіи, замѣнившей язычество. Нынѣшніе прибрежные Финны сохраняютъ въ сердцахъ своихъ любовь къ Церкви предковъ.

Когда же совершилось злосчастное превращеніе?

Религіозная участь финляндскаго берега, въ союзѣ съ участію Валаамскаго Монастыря, изъ котораго, видно, всегда текла, какъ изъ сердца, религіозная жизнь для всей страны этой, процвѣтала и умалаясь, сообразно тому, много ли или мало сообщала ей сила Валаамскій Монастырь. Вначалѣ семнадцатаго столѣтія шведскій полководецъ Полтусъ де-ла-Гарди, причинившій столько зла Россіи, разрушилъ обитель валаамскую, церкви и кельи предалъ пламени, инокѣвъ—острію меча; нѣкоторые убѣжали, унося съ собою мощи преподобныхъ основателей монастыря. Подобной участи подвергся и лѣвый берегъ Финляндіи: православные храмы сожжены; священнослужители убиты или изгнаны; постепенно распространень между жителями лютеранизмъ, послѣдователи котораго дышали еще фапатическимъ пристрастіемъ къ своей лишь родившейся вѣрѣ, готовившейся умыться въ крови Тридцатилѣтней Войны. Достойно замѣчанія, что селенія, сохранившія православную вѣру, паходатся не на самомъ берегу Ладожскаго Озера, не на пути завоевателей, но глубже, въ Финляндіи, за горами, за болотами, естественными оградами страны; тамъ затаились и спаслись онѣ отъ взора и религіи протестантовъ. Въ это-то время многіе Финны перебѣжали въ Россію для сохраненія своей вѣры; вы встрѣчаете ихъ потомковъ православныхъ въ Новгородской и Тверской губерніяхъ.

Когда Промыслъ оружіемъ Петра Перваго каралъ Шведовъ за то, что они, вступивъ въ Россію какъ союзники, вѣроломно попрали законъ Божій и права народныя, изъ союзниковъ превратились въ враговъ и завоевателей, тогда Валаамскій Монастырь перешелъ обратно, вмѣстѣ съ Корелією, подъ родной ему кровъ

русской державы, просуществовав под державою чуждою около столѣтій. Съ 1817 года, по призванію побѣдовоснаго Императора, инокъ Кирилло-Бѣлозерскаго Монастыря пришли на развалины, на пепелище бывшей Валаамской Обители; и опять сооружены тамъ храмъ Божій, поставлены келліи. Въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны все строеніе, которое было деревянное, истреблено пожаромъ. Благодетель Императрица возобновила монастырь на каменное и здвигненіе. Строеніе, какъ и прежде, было воздвигнуто деревянное. Я видѣлъ рисунокъ этого монастыря; мнѣ онъ понравился. По моему мнѣнію, деревянное строеніе идетъ къ обители, столь пустынной, какова валаамская. Какъ милостивы смрвенныя хижины ивоческія, когда онѣ срублены изъ дерева! какъ онѣ удобны для занятій ивоческихъ! Какъ сохраняютъ здоровье, навѣтуемое здѣсь сырымъ климатомъ, порывистыми вѣтрами, самую пищу, подвигами, расположеніемъ духа, утончающими, измощающими плоть. Быть бы въ Валаамскомъ Монастырѣ большому каменному соборному храму, совмѣщающему въ двухъ этажахъ теплую и холодную церкви, оградѣ каменной, которая защищала бы внутренность монастыря отъ вѣтровъ; а, именно келліи, могли бы быть деревянныя. Стол въ довольномъ разстояніи одна отъ другой для безопасности въ случаѣ пожара, онѣ окружали бы церковь со всѣхъ сторонъ. Прекрасно это расположеніе: при матеріальныхъ удобствахъ, имѣ доставляемыхъ, оно изображаетъ, что жители этихъ хижинъ, обращенныхъ къ храму Божію, имѣютъ единственную цѣль служенія Богу, признали себя страшиками на землѣ, призвали одною своею потребностью Бога — и потому вокругъ скиніи Его поставили свои куши. Такимъ образомъ расположено строеніе въ Глинской Пустынѣ, въ Бѣлобережской и въ некоторыхъ другихъ.

Возстановленіе Валаамскаго Монастыря производилось медленно, съ успѣхомъ скуднымъ; онъ оставался долгое время весьма мало населеннымъ; не привлекались туда любители удивленія, вѣроятно потому, что для возстановленія этой обители употреблены были инокъ, не довольно обогащенные знаніемъ и опытностью духовною. Недостаточно для благосостоянія обители одного удивленія, хотя удивленіе — одно изъ главныхъ ея достоинствъ; пужны при удивленіи порядокъ, благоустройство; безъ нихъ уничтожаются всѣ выгоды, доставляемыя собственно удивленіемъ. Напротивъ того, порядокъ переноситъ выгоды удивленія въ обитель, стоящую среди селеній и многочисленныхъ городовъ. Такъ процвѣли многіе монастыри, находившіеся внутри и въ окрест-

постяхъ Константинополя; они произвели знаменопосныхъ Отцовъ, равнявшихся духовными дарованіями съ Отцами, воспитанниками пустынь безлюдныхъ и вертеповъ.

Пропитательно замѣтилъ главную, основную нужду Валаамскаго Монастыря митрополитъ санктпетербургскій Гавріилъ, и для удовлетворенія ей вызвалъ въ 1785 году изъ Саровской Пустыни славившагося духовною опытностью старца Назарія, вручилъ ему настоятельство надъ Валаамскимъ Монастыремъ, вспомоествуя самъ и правительственными распоряженіями и матеріальными средствами. Быстро началъ возникать, шириться Валаамскій Монастырь, наполняться и припавшими и желающими принять обѣты иноческіе. Устроились и общежитіе, и скитъ; явились и пустынножители, и отшельники. Самъ игумень Назарій имѣлъ отшельническую келлію; туда удалялся онъ, иногда на цѣлыя недѣли, чтобъ внимательнѣе посмотрѣть на себя, подробнѣе высмотрѣть въ себѣ челоуѣка, потомъ, изъ собственныхъ, живыхъ опытовъ и созерцаній, почерпнуть наставленіе для своихъ подчиненныхъ, руководить ихъ къ исправленію себя и совершенству, указаннымъ въ Евангеліи. Отецъ Назарій, какъ постригенецъ и воспитанникъ Саровской Пустыни, былъ наполненъ впечатлѣніями этой обители и осуществлялъ ихъ съ рабѣйною точностью въ Варлаамскомъ Монастырѣ. Какъ зданія въ Саровской Пустынѣ все каменныя, то онъ началъ возводить и въ Валаамскомъ Монастырѣ каменное строеніе. Внутренній четверугольникъ выстроилъ имъ, а наружный его преемниками. Щедроты Императоровъ Павла Петровича и Александра Павловича обезпечили вещественное продовольствіе монастыря; онъ по степи — первоклассный, но управляется не архимандритомъ, а игуменомъ, который избирается братіею и утверждается митрополитомъ санктпетербургскимъ.

По устройству своему въ монашескомъ отношеніи, Валаамскій Монастырь — вѣрный снимокъ съ монастырей первенствующей Церкви Христіанской. Онъ имѣетъ монашествующихъ всехъ видовъ восточной православной Церкви; имѣетъ и общежитіе, и скитъ, и пустышниковъ, и отшельниковъ. Главный монастырь, о которомъ мы говорили, вмѣщаетъ въ себѣ собственно общежитіе. Иноки, обитающіе въ немъ, участвуютъ въ общемъ Богослуженіи, въ общей трапезѣ, имѣютъ общую, одинаковую одежду, трудятся въ послушаніяхъ частныхъ и общихъ. Исчислимъ виды послушаній.

Первое послушаніе — служеніе пастыря, которое бла-

гословляется, въ которомъ утверждается онъ епархіальнымъ архіереемъ. Это не есть начальство сего міра. Это — бремя легкое и вмѣстѣ тяжкое. Эти рамена должны носить немощи всего братства. Какая крѣпость должна быть въ раменахъ этихъ! Какое пушию имѣть настоятелю великодушіе, какое самоотверженіе! Пушию полное забвеніе своего Я, чтобъ эта угловатая и жесткая буква не рашпа, тѣмъ болѣе не убила никого изъ ближнихъ. Второе послушаніе — послушаніе намѣстника, котораго уже избираетъ настоятель съ совѣта братіи, а утверждаетъ епархіальный архіерей. Намѣстникъ — главный помощникъ настоятеля по всемъ отраслямъ монастырскаго управленія. Третье послушаніе — казначей, который имѣетъ смотрѣніе за суммами монастырскими; четвертое — ризничаго, завѣдывающаго ризницей. За ризничимъ слѣдуютъ духовники; кромѣ ихъ никто изъ іеромонаховъ не можетъ принимать на повѣдь, ни братіи, ни пріѣзжающихъ въ монастырь богомольцевъ. Подобно намѣстнику, казначей, ризничій и духовники утверждаются епархіальнымъ архіереемъ и составляютъ вмѣстѣ съ намѣстникомъ такъ называемый «соборъ», или старшую братію, приглашаемую настоятелемъ на совѣщанія и обязанную участвовать въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ дѣлахъ, представляемыхъ на усмотрѣніе епархіальному начальству, которое въ такихъ случаяхъ дѣлаетъ предписаніе настоятелю съ старшею братією и получаетъ отвѣтъ за общимъ подписаніемъ. Дальнѣйшія послушанія: чреда священнослуженія, отправляемая всеми іеромонахами, пользующимися достаточнымъ здоровьемъ и силами, кромѣ намѣстника и казначея, и всеми іеродіаконами. Пономари выбираются изъ монашествующихъ и послушниковъ самой скромной и чистой жизни. Способные къ церковному чтенію и пѣнію назначаются для крѣпоснаго послушанія. Въ крѣпосномъ послушаніи участвуютъ нѣкоторые іеромонахи и іеродіаконы въ свободное время отъ чреды своей. Для прочихъ послушаній назначаются монахи и послушники. Упомянемъ и объ этихъ послушаніяхъ, чтобъ познакомить читателя по возможности съ организациєю монастыря. Нѣкоторые изъ братіи занимаются шитьемъ ризницы и одеждъ для всего монастыря; другіе шьютъ обувь; иные паходятся при кухнѣ, хлѣбнѣ, просфорнѣ и трапезѣ; пные занимаются столярною, кузнечною и слесарною работою; другіе ловятъ рыбу; еще другіе трудятся въ садахъ, огородахъ, на поляхъ; нѣкоторые моютъ бѣлье; словомъ сказать, балаамское общежитіе удовлетворяетъ самой большей части своихъ требованій. Каждое такое отдѣльное занятіе называется

«послушаніемъ». Судя по нуждѣ, иное послушаніе исправляетъ одинъ братъ, а иное исправляютъ многіе. Такъ, при библіотекѣ, при аптекѣ, при погребѣ, паходитея по одному, уже испытанному брату. Но при кухнѣ, при прачешной, при рухольной и при другихъ подобныхъ, имѣется по нѣскольку братій, изъ которыхъ главный обыкновеино въ общежитіи валаамскомъ называется «хозяиномъ», а прочіе его «помощниками». Есть послушанія, называемыя «общими», какъ то: приготовленіе дровъ, уборка сѣна, молоченіе хлѣба, сажденіе, поливка и уборка огородныхъ овощей. На эти общія послушанія употребляются братія, неспособныя къ послушаніямъ частнымъ, при которыхъ, какъ ясно видно изъ сказаннаго, нужно большее или меньшее знаніе поручаемаго дѣла. Когда кто-либо изъ желающихъ поступить въ обитель бываетъ принятъ, то сначала опъ посылается на послушанія общія, гдѣ удобнѣе высматриваются его характеръ, павыки и поведеніе. Если впоследствии опъ окажется способнымъ къ какому-нибудь частному послушанію, его опредѣляютъ въ число помощниковъ и, уже послѣ многихъ лѣтъ и испытаній, повѣряютъ соответствующую познаніемъ, или ремеслу его, отдѣльную часть. Всѣ братія, въ-особенности «новоначальные» (новоначальными называются недавно поступившіе въ монастырь), паходятся въ частомъ сношеніи съ духовниками, и на этомъ-то сношеніи основано и держится правдивное благоустройство младшаго братства; въ преуспѣвшихъ оно поддерживается сверхъ-того внимательнымъ чтеніемъ Отечественныхъ писаній и прилежнымъ хожденіемъ къ Божественнымъ службамъ. Библіотекаръ выдаетъ по расноряженію настоятеля книги, соответствующія душевному устроенію каждаго. Братія, находящіеся въ послушаніяхъ, бываютъ во всѣ праздничныя дни при всѣхъ церковныхъ службахъ; въ прочіе же дни ведѣли приходятъ къ утрепи, и отслушавъ ее до шестипсалмія, идутъ на труды свои, а послѣ вечерней трапезы участвуютъ въ общемъ вечернемъ правилѣ.

Богослуженіе отправляется по церковному уставу,—состоитъ изъ утрепи или всепопной передъ праздникомъ, двухъ литургій—ранней и поздней, вечерни и правила, которое совершается послѣ ужина и заключается въ чтеніи молитвъ на совъ грядущій, поманника, и въ нѣсколькихъ покловахъ. Папѣвъ знаменщій или такъ-называемый «столбовой»—старинный русскій. Тоны этого папѣва величественны, протяжны, заунывны; изображаютъ стоны души кающейся, вздыхающей въ страпѣ своего временнаго изгнанія о блаженной, желанной страпѣ радованія вѣчнаго, наслаж-

денія чистаго, святаго. Такъ! эти самыя топы, а не пыле, должны раздаваться въ этой обители, которой самыя заданія имѣютъ образъ темницы, жилища, назначеннаго для рыданій, для душъ важныхъ и глубокихъ, для размышленій о вѣчности. Эти топы—въ гармоніи съ дикою, строгою природою, съ громадными массами гранита, съ темнымъ лѣсомъ, съ глубокими водами. Эти топы, то тянутся плачевно, тоскливо, какъ вѣтеръ пустынный, то постепенно исчезаютъ, какъ эхо среди скалъ и ущелій, то загремятъ внезапно. Кажется, они то хотятъ, чтобы сжалось надъ ними небо, то требуютъ съ порывомъ, въ страшномъ недоумѣніи, чтобы оно услышало ихъ: тогда они гремятъ! Величественное «Господи, помилуй» подобно вѣтру пустынному: такъ оно плачевно, умирительно и протяжно! Падшій человекъ ощутилъ, при помощи уединенія, свое паденіе, увидѣлъ его въ себѣ, убѣдился въ немъ и предался непрестанному стенанію въ надеждѣ помилованія. Пѣснь «Тебѣ поемъ» оканчивается протяжнымъ, переливающимся звукомъ, постепенно стихающимъ, теряющимся незаметно, какъ эхо въ воздухѣ, подъ сводами храма. Когда же братія запоютъ на вечернѣ: «Господи, возвахъ къ Тебѣ, услыши мя», то глухіе звуки сперва какъ-бы ходятъ, блуждаютъ въ пропасти, потомъ съ быстротою и громомъ исторгаются изъ нея, несутся къ небу, несутъ туда мысль и желаніе, пламенные какъ молнія: тогда они гремятъ! Художникъ найдеть въ пѣніи валаамскомъ много негладкостей, недостатковъ въ исполненіи; но онъ же и признаетъ глубокое набожное чувство и необыкновенную энергію, которая потрясаетъ душу. Здѣсь все должно быть важно, грандіозно. Все веселое, легкое, игривое, показалось бы страннымъ, уродливымъ. Не устрашитесь отъ этого сказанія, сказанія правдиваго. Не подумайте, что здѣсь живетъ и можетъ жить только несчастіе. Нѣтъ! И здѣсь есть свое утѣшеніе: утѣшеніе плачущихъ, возвѣщенное въ Евангеліи.

Отдѣльныхъ храмовъ въ Валаамской Обители—семь, изъ которыхъ соборъ отличается передъ всѣми красотою и внутреннимъ убранствомъ; въ иконостасѣ его пикній ярусъ иконовъ покрытъ серебряными ризами. Умноженіе числа церквей, отъ чего нѣтъ ни одной, не исключая и соборной, которая бы вмѣщала всѣхъ живущихъ въ Валаамскомъ Монастырѣ, пестрая роспись соборнаго храма и трапезы — образчики первоначальнаго, неочищеннаго образоваишостью, вкуса русскаго человека, который—житель Европы и сосѣдь Азии. Вмѣсто такого числа храмовъ, гораздо было бы лучше, если бы одно обширное зданіе вмѣщало въ себѣ теп-

лую и холодную церкви, чему примѣръ — въ Копевскомъ Монастырѣ. Могла бы быть еще, церковь при больницѣ. Такимъ образомъ вполне удовлетворялось бы неудовлетворимое нынѣ, существенное требованіе монастыря, состоящее въ томъ, чтобы вся братія и прѣзжающіе посѣтители могли помѣщаться въ церкви и участвовать въ богослуженіи. Не такъ разсуждали строители обители. Ихъ усердіе пуждалось въ отдѣльныхъ храмахъ Святителя Николая, Апостоловъ Петра и Павла, Живописнаго Источника. И стоятъ эти храмы безъ богослуженія, которое отправляется въ каждомъ только однажды въ годъ, въ праздникъ храма. Но и въ храмовый праздникъ отдѣльной церкви Пресвятыя Троицы не можетъ быть отправляема въ ней служба Божія по крайней тѣспотѣ, а правится она въ соборѣ. По окончаніи литургіи немедленно всѣ идутъ въ трапезу, на которой поставляется пища простая, но здоровая и удовлетворительная, по указанію церковнаго устава, то есть, въ праздничные дни рыбная, въ обыкновенные дни съ масломъ, а въ среды и пятницы, въ будни Великаго Поста, безъ рыбы и безъ масла, изъ однихъ растеній. Во время трапезы наблюдается глубокое молчаніе и звучный голосъ чтца возвѣщаетъ соборному братству самоотверженіе, добродѣтели и подвиги Святыхъ Угодниковъ Божіихъ. Ужинъ бываетъ послѣ вечерни: во время его равнымъ образомъ производится душеспасительное чтеніе. Въ дни великихъ праздниковъ, за часъ до вечерни, поставляется въ трапезѣ общій чай, что валаамскіе старички называли «утѣшеніемъ». Трогательно видѣть, какъ спѣшать къ этому утѣшенію, съ деревянными чашечками въ рукахъ, дряхлые, едва могущіе ходить, пришедшіе въ младенчество старички: ихъ стыпящая кровь жаждетъ оживиться кипящею водою. Много въ обычаяхъ Валаамскаго Монастыря — простоты, патриархальности. Приятно и умилительно отзываются эти обычай родною пашею старинною, старинною русскою, въ которой наблюдатель часто встрѣчаетъ простодушное и паціонально-священное — соседними!

Ризница монастыря украшена щедрыми вкладами Государя Императора Александра Павловича, питавшаго особенное расположеніе къ Валаамской Обители, которую въ 1819 году онъ благоволилъ осчастливить своимъ посѣщеніемъ. Въ 1844 году посѣтилъ ее Великій Князь Константинъ Николаевичъ и въ память посѣщенія своего пожаловалъ ей богатые сосуды. Посреди площадки, образуемой внутреннимъ четверугольникомъ монастырскихъ здацій, на которой живетъ какое-то особенное, ти-

хое, благоговѣйное чувство, монахи воздвигли мраморный памятникъ съ надписью. Надпись возвѣщаетъ современникамъ и хранитъ для потомства событія: посѣщеніе обителя Государемъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ и Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Надпись въ соборной церкви указываетъ мѣсто, на которомъ Александръ Благословенный стоялъ во время богослуженія, не обременяясь продолжительностью богослуженія монастырскаго. Надпись въ гостиницѣ указываетъ тѣ покои, въ которыхъ останавливался Государь. Мраморный четверугольный камень съ надписью, обрамленный цвѣтами, стоитъ въ саду, на томъ мѣстѣ, съ котораго Великій Князь Константинъ Николаевичъ снималъ видъ монастыря. Точно такой же камень поставленъ на другой сторонѣ залива, въ лѣсу, подъ густою сѣнію елей и сосенъ, на мѣстѣ, гдѣ Великій Князь оканчивалъ свой рисунокъ, начатый въ саду, откуда видъ монастыря особенно величественъ и живописенъ. Ставя эти камни и выѣзкая эти надписи на камняхъ, монахи валаамскіе выражали чувство своего сердца, то чувство любви и преданности къ Царямъ и Царственному Дому, которыми во все вѣка исторіи русской отличалось наше духовенство.

Одежда пиковъ валаамскихъ, какъ и пища ихъ, проста, но удовлетворительна. Она, и матеріалы къ ней, хранятся въ рухольнѣ. Это — рядъ комматъ, въ которыхъ сложены сукна, шапки, полотна, штаны, кожи, шитое бѣлье, готовые рясы, подрясники, маѳтин, шубы; и все это — въ значительномъ количествѣ. Рухольный ящикъ книгу, въ которой записываютъ кому изъ братій что выдаютъ. Изношенная одежда возвращается въ рухольню и вмѣсто ея выдается новая. Вповѣ поступающему въ монастырь отпускаются пужныя бѣлье, одежда, и обувь. Валаамская рухольня можетъ во всякое время снабдить всѣмъ пужнымъ до ста человѣкъ. Такіе запасы по всѣмъ отраслямъ хозяйственности необходимы въ Валаамскомъ Монастырѣ, по многочисленности его, по отдаленности отъ городовъ, наконецъ по тому, что всею, когда ломается ледъ, и въ особенности осенью, когда онъ становится, сообщеніе съ берегомъ всегда затруднительно, часто невозможно. Озеро между Сердоболемъ и Валаамомъ замерзаетъ, но не ранѣе половины января; до этого времени безчисленныя лдяныя глыбы странствуютъ въ разныхъ направленіяхъ по всему необъятному пространству, и судно, которое рѣшилось бы пуститься въ озеро, непременно было бы окружено и дестроировано льдами.

Библиотека монастырская имѣетъ все книги, нужныя для свѣдѣнія полныхъ свѣдѣній въ монашеской жизни. Кромѣ напечатанныхъ на славянскомъ и русскомъ языкахъ, находятся многія рукописныя. Перечислимъ достопримѣчательнѣйшія рукописи. Первое мѣсто между ними по рѣдкости своей должны занимать «Оглашенія», Преподобнаго Феодора, игумена копстаптинвопольской Студійской Обители, или «Бесе́ды его къ братіи.» Книга эта значительнаго объема. Польза ея призвана Церковію и уставомъ церковнымъ положена въ извѣстные дни Великаго Поста читать ее въ церкви на службахъ церковныхъ *. Это постановленіе касается собственно монастырей. Бесе́ды Студита дышатъ любовью, которую онъ питалъ къ братству своему; онъ называетъ ихъ и отцами своимъ, и наставниками, и братіями, и чадами; ученіе его необыкновенно просто, доступно для понятія все́хъ, особенно идетъ для иноковъ общежительныхъ, какъ имѣющее исключительнымъ предметомъ различныя обязанности и обстоятельства общежитія. Есть рукописныя книги Отцовъ, описавшихъ подвигъ умной молитвы и дающихъ для ней спасительныя наставленія и предостереженія. Таковы Григорія Паламы, Каллиста Антиохійскаго, Симеона Нового Богослова, Преподобнаго Ила Сорскаго, русскаго писателя. Есть книги для руководства жителей свята, пустынниковъ и отшельниковъ: таковы Патерики, книга знаменитаго пастыря безмолвниковъ Исаака Сирскаго; книга «Цвѣтникъ» священно-инвока Дородея, русскаго писателя, жившаго, какъ видно изъ самой книги, во времена Царіарховъ. Сдѣлаемъ изъ этой послѣдней книги нѣкоторыя выписки, облегчая славянскій языкъ русскимъ, какъ по нравственному и аскетическому достоинству книги, такъ особенно потому, что писатель — нашъ соотечественникъ, нами забытый. Лишь какой-нибудь пустыинникъ читаетъ и перечитываетъ его вдохновенную книгу, исполненную драгоценныхъ духовныхъ совѣтовъ. Пусть раздастся и для насъ его голосъ изъ гроба, куда похоронено его наше забвеніе. Этому голосу, вѣщающему глубокія истины, прилично раздаться изъ строгой Валаамской Обители.

« О, любимый мой читатель, — такъ начинается своя книга священно-инвока, — хочешь ли, покажу тебѣ вещь честнѣе чистаго злата и сребра и многоцѣннаго блесера и камня драгоценнаго! Ты ничѣмъ не можешь пойти и купить Царствія Небеснаго, будущей радости и покоя, какъ только сею вещію. Она

* Уставъ церковный, смотри Полудѣльникъ Святой Четырдесятиницы.

« есть уединенное чтение и слушание со вниманием и усердием
 « святыхъ Книгъ Божественнаго Писанія. Невозможно, невозможно
 « спастись тому, кто не будетъ часто читать боговдохновеннаго,
 « святаго Писанія. Какъ птица безъ крыльевъ не можетъ возле-
 « тѣть на высоту, такъ и умъ безъ Книгъ одиѣми собственными
 « помышлениями не можетъ домыслиться, какимъ образомъ полу-
 « чить спасеніе. Чтеніе въ уединеніи и слушаніе со вниманіемъ
 « и усердіемъ святыхъ Книгъ Божественнаго Писанія роди-
 « тели и начало всѣхъ добродѣтелей и великаго благаго дѣла; пото-
 « му что всѣ добродѣтели рождаются отъ него, отъ него начи-
 « наются. Уединенное чтение и слушаніе со вниманіемъ и усер-
 « діемъ святыхъ Книгъ Божественнаго Писанія съ цѣлью дѣланія
 « и своего спасенія, рождаютъ всякую добродѣтель, суть источ-
 « никъ всѣхъ благъ, отгоняютъ отъ насъ великую грѣховную и
 « злую страсть, всякое грѣховное похотѣніе, желаніе и дѣйствіе,
 « свое и бѣсовское. Святые Отцы признаютъ уединенное чтение
 « и слушаніе со вниманіемъ и усердіемъ святыхъ Книгъ Боже-
 « ственнаго Писанія старѣйшиною и царемъ надъ всѣми добродѣ-
 « телами».... Подъ Божественнымъ Писаніемъ священно-инокъ ра-
 зумѣетъ не одиѣ собственно священныя Книги Ветхаго и Но-
 ваго Завета, но и писанія Святыхъ Отцовъ; въ этомъ случаѣ онъ
 выражается такъ же, какъ и преподобный Нилъ Сорскій. Такое
 начало имѣетъ необыкновенную, драгоценную важность: имъ
 признаетъ священно-инокъ необходимость неотступно держаться,
 не только догматическаго, но и нравственнаго преданія Церкви;
 имъ онъ вступаетъ въ союзъ единомыслия со всѣми аскетиче-
 скими святыми писателями Восточной Церкви. Всѣ они единоглас-
 но утверждаютъ, что, для непогрѣшительнаго шествія путемъ
 иноческихъ подвиговъ, необходимо руководство писаніями Свя-
 тыхъ Отцовъ, что это — единственный способъ спасенія, остаю-
 щійся намъ по умаленіи духовныхъ наставниковъ. И такъ съ
 самыхъ первыхъ словъ священно-инокъ ставитъ читателя на
 стези правды, святыхъ, безопасныхъ, предписанныхъ и благословен-
 ныхъ Церковію, даетъ ученику своему характеръ опредѣлительный,
 характеръ сына Восточной Церкви, вводитъ его въ духовное об-
 щеніе со святыми иноками всѣхъ вѣковъ христіанства, устраша-
 етъ отъ всего чуждаго, отъ всего поддѣльнаго. Какъ превосхо-
 дитъ характеръ сына Восточной Церкви! Какъ онъ простъ, вели-
 чественъ и святъ! Протестантъ холодно-умецъ. Римлянинъ — во-
 сторженъ, увлекается, увосится; сынъ Восточной Церкви проник-
 нуть святою истиною и кроткимъ миромъ. Первые два характе-

ра — земные; послѣдній пришелъ съ неба и предстоитъ пашимъ взорамъ въ Евангеліи. Этотъ характеръ воспитывается въ инокѣ чтеніемъ Священнаго Писанія и твореній Святыхъ Отцовъ; напитываясь этимъ чтеніемъ, онъ содѣлывается наперсникомъ Истины и причастникомъ подаемаго ею Святаго Духа.

Чисто и пропитательно взглянулъ священно-инокъ на современное ему монашество; драгоценно сдѣланное имъ замѣчаніе. « Часто удивлялся я тому, говоритъ онъ, какъ Святые древніе « Отцы въ короткое время достигали спасенія, приходили въ со- « вершенство, обрѣтали благодать; а въ нынѣшнія времена мало « спасающихся! Но вотъ чѣмъ все Святые Отцы достигли совер- « шенства и спасенія, обрѣтали благодать, сподоблялись дара чу- « дотворенія: они отъ всей души послѣдовали всемъ словамъ и « заповѣдямъ Господа, болѣе всего старались соблюдать ихъ, все- « гда ихъ имѣли въ умѣ своемъ... Во-первыхъ, должно сохранять « заповѣди Христовы, потому что Святое Евангеліе — уста « Христовы, ежедневно намъ глаголющія; а потомъ сохранять « преданіе Святыхъ Отцовъ, исполнять дѣланія, заповѣданныя « ими, сими дѣланіями утруждать тѣла свои... Безъ исполненія « заповѣдей Господнихъ святыхъ, священныхъ и свѣтоносныхъ, « преданіе и правила наши суетны... Несохраниющій заповѣдей « Господнихъ повреждаетъ и погубляетъ труды свои великіе, ли- « шается совершенства, спасенія и благодати. Несохраниющій за- « повѣдей Господнихъ и не устраниющій внутри себя мѣста для « благодати, не можетъ прійти въ совершенство и пріять благо- « дати. Чуждъ духовной мудрости, кто упражняется въ подвигахъ « тѣлесныхъ, а не брежетъ о заповѣдяхъ Господа! Ничто намъ « не пріятно Богу безъ исполненія заповѣдей Господа. Какъ тща- « тельно и неуклонно сохраняли ихъ Святые Отцы, такъ и намъ « должно сохранять ихъ, сколько силы наши позволяютъ *».... Душеспользѣннѣе наставленіе! Записать бы его каждому инокъ, за- ботящемуся о приготовленіи себѣ блаженной вѣчности, на скри- жальяхъ сердца, неизгладимыми письменами!

Прекрасная душа священно-инокъ говорила отъ избытка сердца и изливалась часто съ непринужденнымъ, плѣнительнымъ краснорѣчіемъ. Нѣкоторыми мѣстами его украсились бы страницы лучшихъ писателей. Какъ изящны слѣдующія строки: «Когда мы « изработываемъ животъ безсмертный, то не должны бояться на- « пастей, скудости въ тѣлесныхъ потребностяхъ, ни самой смер-

* Цвѣтникъ, глава 6.

« ти. Сказалъ Господь: « Не щиптесе убо глаголюще, что ямы, или
 « что піемъ, или чпмъ одеждимся, всѣхъ бо снхъ языцы мира
 « сего щцуть, прекрещенные, незнающіе Бога: вѣсть бо Отецъ
 « вашъ Небесный, яко требуете снхъ всѣхъ. Щипте прежде Цар-
 « ствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ» *. П
 « такъ Олъ далъ обѣщаніе! Я, говоритъ онъ, щипа тебѣ и одеж-
 « да; Я послужу тебѣ въ помощи твоей, какъ отецъ, и мать, и
 « другъ задушевный. Я доставлю все, что нужно тебѣ, и по-
 « работаю тебѣ благодатью Моего. Только ты вѣруй Мнѣ все-
 « душно и песомышню, служи мнѣ и твердо падѣйся, что могу
 « исполнить обѣщанное мною» **.

Свершились надъ священно-инокомъ слова Боговдохновеннаго
 Давида, который сказалъ: « Отрыгнуть устѣ мои пѣніе, егда
 паучиши мя оправданіемъ Твоимъ (***)». Когда сама Божественная
 благодать, вславшись въ сердце, начнеть паучать его закону
 Духа, тогда человекъ дѣлается вдохновеннымъ. Оживаютъ его
 мысли и чувствованія новою жизнью Духа и бесѣда его поестъ
 печать возвышеннѣйшей поэзіи. Таковы многія мѣста писаній свя-
 щенно-инокъ, и между прочими начало 11-й главы, гдѣ олъ бесѣ-
 дуеть къ душѣ своей: « Возлюбленная душа моя, говоритъ онъ:
 « не отлагай года за годъ, мѣсяца за мѣсяцъ, времени за время,
 « дня за день, не проводи ихъ въ тщетномъ ожиданіи! Чтوبъ не
 « пришлось тебѣ вздохнуть отъ всего сердца, понекакъ могуща-
 « го участвовать въ твоей скорби и не найти его. Ахъ! сколько
 « тогда пацнешь терзаться, сколько плакать, рыдать и сѣтовать,
 « раскалваться бесполезно! Ты можешь сегодня сдѣлать добро:
 « не отлагай его на завтрашній день! Ты не знаешь, что родитъ
 « день завтрашній, не постигнетъ ли тебя въ сію почъ какое
 « бѣдствіе! Ты не знаешь, что несетъ съ собою день, что несетъ
 « почъ. Душа моя! щипъ время терпѣнія скорбей! Щипъ время
 « исполненія заповѣдей Господнихъ и добродѣтелей отеческихъ!
 « Щипъ время плача и рыданія, слезъ раждающихъ сладость и
 « радость! О, душа моя! если щипно хочешь снастити, возлюби
 « скорби, какъ прежде ты любила наслажденіе; живи, умирая еже-
 « дневно. Скоро проходитъ житіе наше и исчезаетъ, какъ тѣнь
 « облака, производимая солнцемъ. Дни жизни нашей различаются,
 « какъ дымъ на воздухѣ».... Цвѣтнякъ — одна изъ возвышен-

* Матвія 6, 31, 32, 33.

** Цвѣтнякъ, глава 10.

*** Псаломъ 118. 171.

пѣйшихъ аскетическихъ книгъ; этимъ достоинствомъ она приближается къ знаменитой книгѣ Исаака Сирскаго. Два писателя Русской Церкви писали о умномъ дѣяніи, Нилъ Сорскій и святиио-пнокъ Дорофей; книга перваго — весьма полезное руководство для начинающаго подвижъ безмолвія, а втораго — для преуспѣвшихъ и приближающихся къ совершенству. Ученіе о умной молитвѣ изложено въ «Цвѣтникѣ» съ необыкновенною ясностью, простотою, окончательностью. Повсюду видны обильное духовное преуспѣваніе и здравый смыслъ русскаго человѣка, упрощающій мудреное, излагающій возвышеннѣйшее духовное ученіе съ необыкновенною естественностью, чрезвычайно внятно и — изящно! Въ-особенности таковы его поученія—О чистотѣ сердечной, умной и душевной, О безстрастіи, О помраченіи ума, О трезвеніи ума, О святой чистой молитвѣ. По возвышенности и святости этихъ предметовъ, для которыхъ есть свое время и мѣсто, мы не дерзаемъ дѣлать выписокъ; желающаго познакомиться съ ними отсылаемъ къ самой книгѣ. Сказываютъ уже много и главія поученій. Для такихъ-то духовныхъ упражненій преуспѣвшіе пнокъ переходятъ отъ общежитія къ жизни скитской и отшельнической.

Скитъ Валаамскаго монастыря находится отъ главвой обители въ трехъ верстахъ. Путь къ нему—и водою и сухимъ полемъ. Надо спуститься изъ монастыря по гранитной лѣстницѣ къ гавани. Здѣсь садитесь въ катеръ и, тѣмъ же заливомъ, которымъ прибыл въ монастырь, плывете далѣе, въ глубь острова, въ Скитъ. Заливъ, то съ уживается, то расширяется; вы непрестанно видите съ обѣихъ сторонъ ландшафты, измѣняющіеся въ формахъ и сохраняющіе топъ угрюмый. Накопецъ въѣзжаете въ большую овалъ, окруженную отлогими берегами, на которыхъ растетъ много березокъ, рябинъ, клеу; скалы почти скрылись отъ васъ; кое-гдѣ, вдали, изъ-за слей и сосенъ, выглядываетъ камень. Воды овалы не мрачны: въ нихъ пріятно отражается синева небесъ. Зеленѣющіе луга, пещерные и благоухающіе безчисленными дикими цвѣтами, утѣшаютъ вашъ взоръ. Здѣсь пѣтъ вѣтру, того суроваго, порывистаго вѣтру, который рѣдко стихаетъ на возвышенной открытой площади, гдѣ стоитъ главвый монастырь. Здѣсь такъ все гостепріимно, радушно! Вамъ легко; вы чувствуете, что отдыхаете. И дѣлается вамъ понятнымъ, что дикая природа съ ея картинами, наводящими ужасъ, на которыя вы непрестанно доселѣ смотрѣли, привела ваши тѣлесныя и душевныя чувства въ напряжение. Вы поднимаетесь по отлогому лугу излучистою тропи-

кою, входите въ чашу лѣсу — и передъ вами, внезапно, удивительный Скитъ. Посреди Скита—каменная двух-этажная церковь въ византийскомъ вкусѣ; вокругъ церкви — отдѣльныя келліи братій, также каменные—и каменная ограда. Скитъ со всѣхъ сторонъ; въ лѣсу; въ немъ необыкновенная тишина. Совѣмъ другое чувство обдаетъ васъ, когда взойдете въ Скитъ, нежели при входѣ въ монастырь. Тамъ все дышетъ жизнью, жизнью строгою; здѣсь же какое-то непостижимое спокойствіе, какъ-бы спокойствіе скончавшихся блаженною кончиною. Въ Скиту отправляется богослуженіе дважды въ недѣлю, въ воскресенье и субботу; въ прочіе дни братія безмолвствуютъ по келліямъ своимъ, занимаясь молитвою, чтеніемъ, богомысліемъ и руководіемъ; а въ храмѣ одинъ инокъ совершаетъ чтеніе псалтыря и поминованіе почившихъ братій и благодѣателей Валаамской Обители. Это чтеніе и поминованіе совершаются непрерывно день и ночь, для чего братія, живущіе въ Скиту, чередуются. Пища предлагается въ общей трапезѣ; она гораздо скуднѣе монастырской и почти исключительно растительная. На Пасху и прочіе великіе праздники скитскіе братія приходятъ въ монастырь, участвуютъ съ монастырскою братією въ богослуженіи торжественномъ, и вкушаютъ съ нами въ общей трапезѣ праздничную пищу, непревышающую никогда и въ самомъ монастырѣ четырехъ перемѣнъ. Уха, еще другое блюдо рыбы, кусокъ пирога, — вотъ признакъ великаго праздника на трапезѣ валаамскихъ братій. Скворадо-праженія исключены изъ числа ихъ яствъ: они признаютъ ихъ лакомствомъ, для себя не позволительнымъ. Въ Скиту живетъ до двѣнадцати братій, или немного болѣе. Дорога изъ Скита къ монастырю сухимъ путемъ также ландшафтная,—идеть по берегу залива, по прекраснымъ рощамъ, по холмамъ и горамъ, — и часто начинаютъ стучать колеса экипажа на голомъ гранитѣ.

Но разнымъ мѣстамъ острова, въ глухомъ уединеніи, при опушкѣ лѣсу на холмикѣ, или на маленькомъ лугу среди лѣсу, стоятъ одинокія хижины пустышниковъ, срубленныя изъ бревенъ. Число пустышниковъ весьма невелико. Жизнь отшельническая можетъ быть дозволена только самымъ опытнымъ въ иночествѣ, зрѣлымъ по возрасту и духовному разуму. Пустышники, подобно скитской братіи, приходятъ въ монастырь на великіе праздники.

Посѣтители монастыря помѣщаются въ гостиницѣ; есть особенный пріютъ и для пищихъ, которыми богата эта часть Финляндіи. Нищимъ дозволяется быть на Валаамѣ втеченіи двохъ сутокъ и пользоваться трапезою, нарочно приготовляемою въ ихъ

пріютѣ; а на дорогу даютъ каждому два куска ржапаго хлѣба. И для этого-то подающіе стремятся за сорокъ, за пятьдесятъ версты Фнляпеецъ въ монастырь валаамскій! Лѣтомъ, лишь очнется путь по озеру, многіе десятки челшкови ежедневно приносятъ ищущихъ по бурной пучинѣ къ монастырю. Убѣждаютъ одинъ; на мѣсто ихъ пріѣхали уже другіе. Зимой, лишь встаетъ ледъ, цѣлыя стаи ихъ пускаются пѣшкомъ въ трудное путешествіе, несмотря ни на лютость морозу, ни на дальность. Идутъ полу-обнаженные по льду! Идутъ и старцы увѣчные, и дѣти, женщины съ грудными младенцами. Рѣдко находятъ на льдяной степи замерзшіе трупы этихъ бѣдняковъ, думавшихъ уйти отъ голоду, и убитыхъ морозомъ.

Пельзя, наконецъ, не принести данн слова больницѣ валаамской, которая есть спокойный пріютъ не только для изветшавшихъ и педужныхъ валаамскихъ пшкови, но и для пшкови всеі петербургской епархіи. При больницѣ есть отдѣльная церковь, отдѣльная трапеза, особенная прилуга и небольшая аптека, снабженная самыми нужными медккаментами.

Валаамскій Островъ съ принадлежащими ему малыми островами — не что иное какъ цѣльный, поднявшійся изъ Ладожскаго Озера камень, возвышенностями, буграми котораго образуются скалы, горы и утесы, а углубленіями—заливы, проливы, озера. Вы убѣдитесь въ этомъ измѣреніями глубины озера. Въ заливахъ, проливахъ, на всемъ пространствѣ между главнымъ островомъ и мелкими островами, глубина эта — пять, десять, въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ—двадцать сажень; но едва вы выѣхали на чистое озеро, глубина въ сотни шаговъ отъ берега простирается уже на семьдесятъ, на сто сажень, доходитъ почти до двухъ-сотъ. Почва — повсюду сплошной камень, покрытый слоемъ растительной земли на четверть аршина, мѣстами и болѣе. Рѣдко, въ маломъ количествѣ, не на дальнюю глубину, есть песокъ и глина. Слой земли, покрывающій «луду», — такъ валаамскіе пшкови называютъ свой камень, — особенно плодороденъ: близъ монастыря разведены два фруктовые сады, одинъ подъ скалою, на которой стоитъ монастырь, другой по правую сторону гранитной лѣстницы, ведущей отъ гавани въ обитель. Въ этихъ садахъ яблоки свѣжи, сочны, свидѣтельствуютъ о добротѣ грунта; а яблоки, созрѣвающіе развѣ однажды въ десять лѣтъ, приносятъ жалобу на клпматъ, на слабость здѣшнихъ солнечныхъ лучей. Въ этой жалобѣ участвуютъ съ ними крупныя дыни и арбузы, растущіе на огородахъ валаамскихъ; они очень сочны, по

сокъ ихъ мертвый: не солнце нагрѣваетъ въ немъ сладости. Огородные продукты весьма хороши; ихъ родится значительное количество, достаточное для всего братства многочисленнаго, для многихъ рабочихъ, живущихъ въ монастырѣ, для многихъ посетителей монастыря. Сѣютъ въ нѣкоторомъ количествѣ рожь и овесъ; но главный запасъ хлѣба закупается въ Петербургѣ и доставляется въ монастырь на его галіотахъ. Сѣна накашивается довольно. Лѣсомъ островъ изобилуетъ; преимущественно растетъ здѣсь сосна, потомъ ель; гораздо въ меньшемъ количествѣ береза, кленъ, липа. Благодарность имъ! Они смягчаютъ нѣжнымъ цвѣтомъ своихъ листьевъ угрюмость скалъ и темной, вѣчной зелень елей и сосенъ. Въ долинахъ, гдѣ слой земли толще, лѣсъ крупнѣе; но на горахъ, гдѣ слой этотъ тонокъ, лѣсъ мелче; онъ не можетъ достигъ должной высоты; корни его тщетно ищутъ углубиться въ землю; ихъ встрѣчаетъ жесткая «луда» и они стелются, переплетаются по ней для собранія необходимой себѣ пищи и не находятъ ея. Зато на горахъ почти исключительно растетъ одна, наименѣе прихотливая и разборчивая на почву, сосна. Что сказать еще? Смотрю на воды, на необъятныя массы водъ Ладоги, древняго Нева, издревле славнаго бурями своими и боями Варяга съ Славянопомъ; и онѣ, эти глубокия, пространныя воды, согласны съ удивленнымъ, полнымъ вдохновенія строгаго островомъ, чтобъ на островѣ, въ оградѣ водъ, спасалось, сберегалось плоческое общество. Они ограждаютъ его и пространствомъ своимъ, и бурями, и льдами. Они въ необъятныхъ вѣдрахъ своихъ содержатъ и питаютъ безчисленныя стада различныхъ рыбъ, предавая ихъ въ обманчивыя сѣти, готовятъ на трапезу пустышниковъ блюдо, въ которомъ всю цѣну составляютъ не приправа, не искусство, а обиліе и свѣжесть припасовъ.

Когда легкій монастырскій катеръ при попутномъ, пріятномъ вѣтрѣ уносилъ меня изъ Валаама, я былъ боленъ. Къ ощущенію болѣзни пришли многія другія ощущенія. Взоръ мой съ безотчетливою грустью, въ которой было какое-то наслажденіе, обратился къ Валааму, приковался къ нему. Подозрѣваю, не былъ ли то взоръ прощанія навсегда! Безмолвно смотрѣлъ я на Валаамъ съ катера, пока онъ шелъ заливомъ. Я поднималъ голову то къ той скалѣ, то къ другой: иначе нельзя смотрѣть на нихъ; такъ онѣ высоки. Могучая природа, всегда паводившая на меня ужасъ, всегда глядѣвшая на меня лишь строго и сурово, казалось, дружелюбно улыбнулась. Или улыбку эту дало ей солн-

це, пустившее тогда живописные лучи свои вдоль залива, по воды, по камни, по лѣсъ густой. Кайма гранитнаго утеса, по которомъ стоитъ монастырь, обнесенная рѣшеткою, была унизана братією. Тутъ были и мужи зрѣлые, окрѣпшіе въ бояхъ съ собою, и юноши, лишь вступившіе въ обитель, которыхъ ждеть еще борьба, и старцы дряхлые, покрытые сѣдинами, которыхъ сердце и мысль уже спокойны, которымъ сплетѣнъ побѣдный вѣнецъ и вырыта могила. Имъ мало было того, что они радушно пріяли, успокоивая странника; имъ пужны были еще проводы, смѣшанные съ скорбью любви, растворенные слезою сожалѣнія о разлукѣ. Раздавался величественный звонъ колоколовъ монастырскихъ, и вторили ему съ разныхъ сторонъ ушелія каменныхъ горъ многоголоснымъ эхомъ. Вышелъ катеръ изъ залива, какъ изъ высокостѣпнаго замка, остались утесы на своихъ мѣстахъ, явилось взору обширное озеро; вдаль чуть видѣнъ берегъ сердобольскій; по другимъ направленіямъ берега пѣтъ, — синева водъ сливается съ синевою неба. Подняты паруса; быстро понесся катеръ по отлогимъ волнамъ. Скоро мы достигли противоположнаго берега; оттуда я оглянулся на Валаамъ: онъ представился мнѣ, на своихъ обширныхъ, синихъ, безкопечныхъ водахъ, какъ-бы планета на лазуревомъ небѣ.

И точно, такъ онъ далекъ отъ всего! Онъ какъ-будто не на землѣ! Жители его мыслями и желаніями высоко подыались отъ земли! Валаамъ — отдаленный міръ! Многіе его иноки забыли, что существуетъ какая-нибудь другая страна! Вы встрѣтите тамъ старцевъ, которые съ своего Валаама не бывали нигде по пятидесяти лѣтъ и забыли все, кромѣ Валаама и неба.

Вонство духовное! блаженные жители острова священнаго! Да спадетъ на васъ благословеніе неба за то, что вы возлюбили небо! Да почіетъ на васъ благословеніе странника за то, что вы возлюбили странничество! Да услышатся молитвы ваши Богомъ, да пріяты будутъ Ему хвалебныя пѣнопѣнія ваши; потому что молитвы и пѣнопѣнія ваши полны благоговѣнія священнаго! Да будутъ благословенны житицы ваши и имущество ваше; потому что пищій всегда паходитъ у васъ и сытый укрухъ хлѣба, и лоскутъ одежды для прикрытія наготы своей! Братія! благую часть вы избрали! Не озирайтесь вспять, не привлекайтесь снова къ міру какою-нибудь суетною, временною пріятностью міра! Въ немъ все—такъ шатко, такъ непостоянно, такъ мнутаю, такъ тѣнно! Вамъ даровалъ Промыслъ Божій отлѣльное, удаленное отъ всѣхъ соблазновъ селеніе, величественно-

вый, вдохновенный Валаамъ. Держитесь этого прѣставища, невозмущеннаго волнами житейскаго моря; претерпѣвайте въ немъ не дайте святой ревности остывать въ душахъ вашихъ, обновляйте, поддерживайте ее чтеніемъ святыхъ Отческихъ книгъ, бѣгите въ эти книги умомъ и сердцемъ, уединяйтесь въ нихъ мыслями и чувствованіями,—и Валаамъ, на которомъ вы видите гранитныя уступы и высокія горы, сдѣлается для васъ ступенями къ небу, духовною высотой, съ которой удобенъ переходъ въ обители рай.

А страпникъ, писавшій эти строки, въ нихъ излившій свои чувствованія къ вамъ и вашему жилищу, страпникъ, не разъ посѣщавшій обитель вашу съ сердечною заботою объ ней, о благополучіи ея и вашемъ, спрашиваетъ себѣ жизни въ молитвенномъ воспоминаніи вашемъ до гроба — и за предѣломъ гроба —

и. и. и.

